

УДК 930.85

Коновалов В. В.¹

**«ЛИТОВСКИЕ КНИГИ» НА СЕВЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ
В КОНЦЕ XVI – XVII ВЕКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ, ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ И
ПЕРМСКОГО КРАЯ).**

«Дом Польский», г. Ярославль

Kononov V. V.

**«LITHUANIAN BOOKS» IN THE NORTH'S OF CENTRAL RUSSIA
AT THE END OF XVI – XVII TH CENTURY
(USED MATERIALS FROM YAROSLAVL, TVER AND PERM
REGIONS).**

«Polish House», Yaroslavl

Реферат: *Статья посвящена бытованию «литовских книг» кириллической печати на территории Ярославской, Тверской областей и Пермского края. Автором выделены три периода православной книгоиздательской активности в Речи Посполитой и проанализирована динамика поступления книг в регион. Для анализа этой динамики вводится новое понятие «коэффициент интенсивности поступления книг».*

Ключевые слова: *Россия XVI–XVII вв., Литва, Речь Посполитая, «литовские книги», кириллическая печать, коэффициент интенсивности поступления книг.*

Abstract: *This article is about appearances of Cyrillic printed «Lithuanian books» on the Yaroslavl, Tver and Perm regions. Author marked three periods of*

¹Коновалов Валерий Васильевич — участник ЯКПО «Дом Польский», г. Ярославль

orthodox publishing activity in the Polish-Lithuanian Commonwealth also he analyzed dynamic of this books arrival to those regions. In order to analyze this dynamic he introduced new term «books arrival intensity coefficient».

Keywords: *Russia XVI-XVII century, Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, «Lithuanian books», Cyrillic print, «books arrival intensity coefficient».*

Наряду с централизованным влиянием на русскую культуру, отмечаемым всеми исследователями («выбор делает власть» М. С. Киселевой) [17, с. 9], культур соседних стран в истории России присутствовало и *децентрализованное (рассеянное, дисперсное)* влияние. Менее заметное, хуже обеспеченное источниками и, как следствие, почти не отражаемое в литературе, оно представляет собой очень интересный аспект культурной диффузии во взаимоотношениях Речи Посполитой и России. Причем это один из немногих примеров, когда мы можем смело говорить о взаимодействии, то есть диалоге в лотмановском смысле этого слова, так как продукция Московского печатного двора (МПД) была

растространена не только на территории ВКЛ и Польши, [33] но и по всему «*третьему макроареалу*» [12, с.15]. Одним из ее проявлений было бытование так называемых «литовских» книг [6, с. 277] на территории России в конце XVI–XVII вв. Это кириллические печатные издания типографий, расположенных на территориях так или иначе входивших в состав Речи Посполитой (1569).

Родоначальниками книгопечатания кириллическим шрифтом были Швайпольт Фиоль (? - 1525/1526) и Франциск Скорина (1490-1551). После них был некоторый перерыв. Возобновление книгопечатного дела связано с именем Ивана Федорова, который иногда вместе с Петром Мстиславцем, иногда отдельно, продолжил свою деятельность

после бегства из Москвы в «Литве», сначала в Заблудове на службе у «наивысшего гетмана» Великого княжества Литовского Григория Александровича Ходкевича («Заблудовское Евангелие», 1569), а потом во Львове, где организовал собственную типографию, в которой осуществил второе издание «Апостола» (1574), и Остроге («Острожская Библия», 1580).

К концу XVI в. на территории нынешних Украины, Литвы и Белоруссии было не меньше десятка православных типографий, принадлежавших православным братствам, церковным учебным заведениям и магнатам. «Кроме литургических книг, здесь издаются сборники проповедей и пособия по риторике, теологические трактаты, панегирики, духовная поэзия, житийные произведения, буквари, учебники» [41, с. 601]. Некоторая часть изданных ими книг достигла и России.

Закономерно встает вопрос о природе православной книгоиздательской активности в

Речи Посполитой. С нашей точки зрения это был «великий ответ» (4), выразившийся в так называемой православной конфессионализации, на «великий вызов» европейской цивилизации, переживавшей эпоху Реформации и, особенно, Контрреформации. «Возникшая в начале XVII века киево-братская школа (1613), затем могилянская коллегия (1631), копировала свою организацию с готовых образцов, но ставила перед собою задачи научного охранения своей традиции, своего мировоззрения» [40, с. 229]. «Иными словами, полемическая направленность обостряла потребности образования и делала его успехи заметнее» [17, с. 51]. Конечно, мы не стали бы сводить все причины книгоиздательской активности «Литвы» только к процессу православной конфессионализации или даже шире к так называемому украинско-белорусскому «православному возрождению» [см.: 9], хотя, судя по «русскому проекту» князя Константина Константиновича Острожского [20;

ср.: 12] и книгопечатной активности Острога в этот период (см. табл.1), эта причинность была преобладающей.

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что понятие «литовские книги» весьма условно. Вероятнее всего, под эту категорию, так или иначе, попадают все книги как литовского (белорусского), так и украинского издания, так как осознание последствий польско-литовской унии наступило в Москве не сразу. Но мы все же решили в чисто исследовательских целях отделить украинские издания от собственно «литовских», тем более, что территория нынешней Украины по большей части вошла в состав коронных земель после Люблинской унии 1569 г., а первая известная нам «литовская» книга — «*Апостол*» — в изучаемом нами регионе датируется 1574 г. и издана как раз на территории Украины. Этот прием позволит нам выявить некоторые особенности польско-русских культурных связей этого периода и проявить отдельные

тенденции исторического развития.

Связи с крайней расплывчатостью термина некоторые исследователи предпочитают говорить просто о влиянии Киевской митрополии на культурное развитие России: «В конце XVI в. определился новый источник заимствования — православная книжность Киевской митрополии» [30, с. 64]. Формально «литовские» книги действительно связаны именно с ней, но такой недифференцированный подход вряд ли может устроить вдумчивого исследователя. И в этом мы руководствуемся следующими соображениями. Во-первых, православных киевских митрополий было как минимум две: ликвидированная по Брестской унии 1596 г. и негласно восстановленная в 1620 г. православная иерархия в белорусско-украинском регионе [см.: 18, с. 254; 32, с. 270], только в 1632 получившая официальный статус [29, с. 374]. Во-вторых, церковно-политическое и культурное значение собственно

Киева в конце XVI – начале XVII в. отсутствовало: официальная резиденция митрополита Киевского в тот период фактически находилась в Новогрудке; собственно киевские издания начинают поступать только с 20-х гг. XVII в. К тому же в эту фразу Т.А. Опариной мы, вероятно, вкладываем свой смысл, считая концом XVI в. все время, начиная с Люблинской унии 1569 г., то есть фактически всю последнюю треть столетия. В связи с этим, мы предлагаем разграничивать *доунийный* (1569-1600), *постунийный* (1603-1631) [см.: 41, с. 309; 40, с. 229] (вместе они составляют *домогиянский*) и *могилянский* (начиная с 1632 и (предварительно) до 1686) периоды книгоиздательской активности в «Литве». Охарактеризуем кратко каждый из них.

Первый (доунийный) период.

Наиболее яркая особенность этого периода — доминирование «литовской», в частности, виленской печатной продукции. Вопрос о причинах такого

преобладания, хотя и интересен сам по себе, так как это наиболее яркий и практически единственный пример культурного воздействия собственно Литвы на Россию на всем протяжении XVI–XVII вв. [см.: 28; 14, с. 10], оказался малоизучен. Что неудивительно, так как он представляется нам достаточно сложной исследовательской задачей, поэтому мы здесь также ограничимся исключительно предварительными соображениями.

В XVI–XVII вв. на территории Речи Посполитой существовали три основных православных культурных центра: Львов, Вильно и Киев. Какое-либо значение Киева в первый период, как мы уже отметили, фактически отсутствовало, а влияние Львова в литовских землях практически не прослеживается ни в первый период, ни во второй. В этой связи нужно заметить, что среди исследователей нет единства относительно оценки не только уровня, но и даже типа культуры в Великом княжестве Литовском

(ВКЛ). Здесь центральное значение приобретает вопрос о характере культурных связей с Польшей. Еще Г.Г. Шпет в своем «Очерке развития русской философии» писал, что «значительная часть исконной Руси, литовская Русь, подпала под политическое и культурное влияние латинского Запада» [40, с. 229]. Ему практически слово в слово вторит Ежи Ключовский: «Произошедшее в конце XIV в. объединение Польши и Литвы, серьезно пошатнувшее равновесие региональных сил, вовлекло литовские и русинские земли в зону притяжения западной культуры» [18, с. 129]. Другие исследователи предлагают не переоценивать уровень европейского и, в частности, польского влияния на ВКЛ: «Однако сам факт перелицовывания границ в первое время после унии серьезно не повлиял на внутреннюю обстановку в этих (украинских – В. К.) землях, что позволяет считать их исторически больше связанными с ВКЛ, чем с Польшей» [1, с. 445]. Но С.Л. Алексеев, на наш взгляд,

забывает, что Люблинская уния 1569 г. была последней, а отнюдь не первой унией Польши и Литвы. Эти территории находились под культурным влиянием Польши еще до унии, так что ВКЛ уже давно было, по крайней мере, культурно-территорией Польши и окончательное объединение этих двух государств только подтверждало этот факт. Сапронов П.А. считает возможным говорить даже о «культурной ассимиляции»: «Ввиду прогрессирующего со второй половины XIV в. процесса сближения, а по сути — культурной ассимиляции Литвы с Польшей ...» [34, с. 267]. Мы бы даже рискнули убрать предлог «с» из этой фразы. Но здесь возникает сомнение: а какой именно характер носило это первоначальное культурное влияние и не изменило ли оно его в процессе взаимодействия Польши и Литвы? У того же Ежи Ключовского читаем: «Принятие западной схоластической системы в Центрально-Восточной Европе было очень важным и длительным процессом, охватившем Чехию в

XIV в., а Польшу и Венгрию — в XV в» [18, с. 185]. Но ни сам Ключовский, ни кто-либо другой не уточняют, когда «схоластизации» подверглась территория собственно Литва («Литовской Руси» Шпета, в частности) и имел ли этот процесс там вообще место.

Таким образом, можно умозаключить, что культурное влияние Запада на этих территориях несомненно присутствовало: «В XVII в. белорусско-украинская магнateria пришла уже не в привычных для восточных славян одеяниях православного быта и менталитета, а «исправленная» и культурно ориентированная на Западную Европу» [21, с. 26], что хорошо укладывается в парафраз из «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя: «Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на литовском дворянстве» [5, с. 112], но достигло ли оно уровня «схоластизации» не совсем ясно. Нам также доподлинно установить этого не удалось. Тем не менее, можно констатировать, что никто из

исследователей не говорит, применительно к русско-литовскому культурному диалогу, о *традиции, опосредованной Литвой* (это словосочетание образовано по аналогии с «*традицией, опосредованной Польшей*» [см.: 22], потому что таковая очевидно отсутствовала. Поэтому мы бы не стали настаивать, что в культурном отношении Литва была регионом развитым, а украинские земли, вошедшие в состав Короны, если и были связаны с Литвой, то, вопреки мнению Алексева, исключительно низким уровнем культурного развития. Но, вот, восточные регионы Короны, в первую очередь Львов (исследователи в один голос [см.: 35, с. 178; 39, с. 8] говорят об уникальности этого региона на общем фоне восточно-славянской православной ойкумены), в конце XVI в. были куда более развиты в культурном отношении, чем Литва (Белоруссия) и тем более нежели восточная часть Украины, что и позволило им стать активными ретрансляторами культурного влияния. Хотя в России это влияние

напрямую мало представлено, предположительно из-за значительной удаленности этих территорий (см. табл.1). Тем не менее, имеющегося уровня культуры Литве оказалось достаточно, чтобы ей также стать транслятором культурного влияния в первый, да и в значительную часть следующего периода. Вызывает некоторое удивление то обстоятельство, что «литовское» влияние слабее всего было представлено в регионах, которые традиционно имели заметные культурно-экономические связи с Литвой, а одно время даже в нее частично входили территориально (Тверское княжество) [см.: 4, с. 7]. Правда, там заметно непропорционально большое присутствие светской «литовской» печатной продукции, в частности, законодательных сборников. Но в целом, вопросов пока, к сожалению, больше чем ответов. Следовательно, окончательно причины такой культурной активности Литвы еще предстоит выяснить. (Мы также будем

вынуждены вернуться к этому вопросу при анализе причин упадка «литовского» влияния во второй период.)

Если говорить о содержательной характеристике периода, то в это время в «Литве» существовало несколько православных церковно-просветительских программ, так или иначе, связанных с книгоиздательской активностью. Можно привести в пример credo «Друкарни дома Мамоничей»: «...аз паче всех желаю улучшить, и ему (народу — В. К.) бодрственно со всяким тщанием служить во все дни живота моего», — в свое время заверял Леон своего дядю» [27]. Наиболее масштабной и наиболее научно фундированной (по меркам того времени, разумеется) из них был «русский проект» князя Константина Константиновича Острожского, представленный такими именами как Лаврентий Зизаний и Мелетий Смотрицкий [см.: 20]. Основную тяжесть просветительской книгоиздательской деятельности

взяли на себя в этот период православные братства, церковные учебные заведения и магнатские кружки (это характеризуется нами как неформальный период конфессионализации [см.: 8]), так как сама православная иерархия была в основном занята подготовкой унии [см.: 9]. Поэтому культурное влияние «Литвы» в доунийный период было в основном децентрализовано, а поступление книжной продукции этого периода на Русь носило случайный и незакономерный характер.

Второй (постунийный) период.

Основное содержание этого периода — перемещение центра культурного влияния из Вильно в Киев. Хотя это не был некий единый процесс, скорее два разнородных, но протекавших параллельно. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно разграничивать упадок собственно «литовского» книгоиздательского региона, на причинах которого мы остановимся позже, и восхождение

киевского (украинского). Здесь в свою очередь можно выделить два основных фактора. Главную роль в этом сыграли, на наш взгляд, формальные, церковно-политические моменты, к каковым нужно отнести уже упомянутые нами попытки восстановления православной иерархии Киевской митрополии, центром которой выбран был именно Киев. Начиналось все с небольших достижений: «Признание за Киево-Печерским монастырем права неподчинения униатскому митрополиту, добытое на сейме 1603 г., стало своеобразным звонком к пробуждению Киева» [41, с. 309]. Кульминация этих событий — негласная «(нелегальная с точки зрения (польского — В.К.) государства) православная иерархия, утвержденная под защитой казацких сабель осенью 1620 года» [32, с. 270]. Ср.: «Православная церковь желала, прежде всего, иметь собственную иерархию. Ее желание сбылось в 1620 г., но не получило официального

утверждения» [18, с. 254]. Эти благоприятные церковно-политические условия создали возможность для перетекания «львовской» православной учености, оказавшейся в Юго-Западной Руси под давлением католиков и униатов, на Восток Украины, что характеризуется нами как «Великий исход»: «Укоренившись (не без участия львовских эмигрантов) в других восточных владениях Речи Посполитой, в том числе присоединённых впоследствии к России, и в первую очередь в Киеве, они («ростки ренессансной по духу галицко-русской культуры, формировавшейся в активном взаимном отторжении-притяжении с культурой католического Запада» — В.К.) уже к середине семнадцатого века дали богатейшие плоды» [39, с. 8]. Наиболее важное значение в этом плане имела организация киево - братской типографии (1613) и школы (1615) [41, с. 382], куда собственно и переместились «львовские» кадры. (Г.Г. Шпет Приводит ныне

признанную устаревшей датой — 1613 г.: «Возникшая в начале XVII века киево - братская школа (1613) ...» [40, с. 229]. Сейчас более или менее общепризнанной считается 1615 г.) То есть Киев во многом получил свою «ученость» по сути дела в готовом виде из Львова и шире с Правобережной Украины.

Количественную сторону процесса перехода культурной гегемонии от Вильно к Киеву можно проиллюстрировать следующей таблицей: (см. *табл. 1*) Но во внешнеполитическом измерении этот процесс протекал не так гладко, как внутренне, и растянулся фактически на весь третий период (на чем мы еще остановимся). Здесь сыграли свою роль разнонаправленные военно-политические и иного характера обстоятельства.

Главным препятствием на пути распространения «литовских» книг в России со второго периода стала Брестская уния, так как постепенно сформировалось мнение о неканоничности (еретичности) подобных изданий, а

в купе с негативной реакцией в России на роль иностранцев, в первую очередь, естественно, «поляков», в период Смутного времени это стало приговором: «на диспуте 1627 г. с русскими богословами, Зизания обвинили в ереси, а уже напечатанный тираж книги уничтожили» [41, с. 289]. Это было одним из факторов, положивших конец доминированию литовских изданий, получаемых из Речи Посполитой, но, как минимум

до конца 30-х гг. XVII в., их в исторических источниках, сообщающих о «... запрещение распространения «литовских» книг на территории России ...» [6, с. 277], продолжают называть «литовскими». В конце концов: «Он (патриарх Филарет — В. К.) запретил ввозить, хранить и читать европейские книги, в том числе издания единоверных белорусских и украинских типографов» [31, с. 184].

Таблица 1.

Место типографии	Периоды			
	1569-1596	1597-1653	1654-1690	1691-1700
Украина				
Львов	2	8	3	
Острог	10			
Почаев		1		
Киев		34	82	35
Новгород-Северский			2	
Чернигов			1	6
Унев			1	10
Итого:	12 (32,4%)	43 (50,5%)	89 (100%)	51 (89,5%)
Литва				
Вильно	25	19		

Евье		5		
Рохманово		1		
Кутеин		16		
Могилев		1		6
Итого:	25 (67,6%)	42 (49, 5%)	0	6 (10,5%)

Примечания к таблице: Таблицы 1 и 2 составлены на основании следующих изданий: 1) Гадалова Г. С., Перелевская Е. В., Цветкова Т. В. Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI век — 1725 год): Каталог. - Тверь: Лилия Принт, 2002. - 304 с., 24 ил.; 2) Кириллические издания XVI - XVII вв. в хранилищах Пермской области: Каталог / Ред. колл.: д.и.н. И. В. Поздеева (пред.), С. А. Динмухаметова, О. Л. Кутьев, С. В. Пигалева (сек.). - Пермь, 2003. - 488 с., 24 с ил. ; 3) Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493 - 1652): Каталог / Под ред. И. В. Поздеевой. - Ярославль — Ростов, 2004. - 632 с., 32 с ил.; 4) Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652 - 1700 годы): Каталог / Под ред. И. В. Поздеевой. - Ярославль; Ростов; Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский дом печати», 2009. - 832 с.: ил.; 5) Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания XVI век - 1641 г. Находки археографических экспедиций 1971-1993 годов, поступившие в Научную библиотеку Московского университета. - М.: Изд-во МГУ, 2000. - 416 с.; Приемлемое с точки зрения археографии деление по векам (в ней есть даже такое понятие как инкунабула, то есть книга, изданная строго до 1500 года), применяемое в указанных и огромном количестве им подобных изданий, абсолютно неприемлема с точки зрения исторической науки. Поэтому мы позволили себе разделить все кириллические книги в соответствии с выделенными нами ранее периодами польского культурного влияния на Россию, благо форма имеющихся сведений позволяют это сделать. [см.: 8]; Выход на первый план литовских (белорусских) типографий (Кутеин) в конце 40-х - начале 50-х гг.

XVII в., вероятно, связан с восстанием под руководством Богдана Хмельницкого, что физически затрудняло проникновение книг украинского издания в Россию. Косвенно это может свидетельствовать о наличии потребности («глада духовного») в такого рода продукции (*natura abhorret vacuum*).

Но постепенное отношение к «литовским» книгам начинает меняться, в первую очередь, как раз благодаря православной «ученой» активности Киева. Предположительно в этот период в церковной политике Москвы произошли некоторые содержательные сдвиги, которые позволили изменить отношение к «литовским» книгам с негативного «до сугубо положительного (ориентация на киевскую ученость)» [6, с. 277]. Известный историк церкви А.В. Карташев пишет, правда, о более позднем времени, но подразумевая и этот период: «Но православная репутация Епифания Славинецкого была лучшим свидетельством для отражения огульных подозрений всей киевской учености (в ереси — В. К.)» [13, с. 243]. «Киевские» книги начинают печатать в самой

Москве, где было осуществлено «издание двух сборников произведений авторов Киевской митрополии». [6, с. 277] Это «Кириллова книга» (1644) [15, с. 379] и «Книга о вере» (1648) [7].

С другой стороны: «Более активное проникновение полемической литературы Киевской православной митрополии в русскую письменность связано с периодом Смутного времени. Границы государства оказались открытыми, а церковная и светская цензура фактически отсутствовали» [30, с. 64]. Говоря словами Ю.М. Лотмана, мембрана границы во время войны оказывается проткнутой [25, с. 183, 188], а среди военных трофеев могли оказаться и книги. «Общению поляков и русских не препятствовали многочисленные политические и военные

конфликты» [26, с. 85]. Россия и Речь Посполитая, вообще, тогда очень часто воевали, но «войны, как известно, приводят к усилению контактов между противоборствующими сторонами, демонстрируя противникам их реальный экономический, военный и политический потенциал» [17, с. 46]. Тот же Ю.М. Лотман писал: «Даже для того, чтобы вести войну, надо иметь общий язык» [25, с. 192; ср.: 10]. Именно, на этом военно-политическом фоне и протекает процесс перехода доминирования от литовских изданий к киевским.

Вопрос о причинах прекращения печатания кириллических книг в Вильно, и шире во всем ВКЛ, в литературе не освещен. Но предварительно можно предположить, что главной причиной того, что Вильно утратил культурную гегемонию и уступил первенство Киеву, вероятно, следует считать в первую очередь отсутствие прочного культурного фундамента в виде «схоластической науки». В частности, можно заметить, что духовное училище

при братстве св. Духа в Вильно не получило такого развития и, как следствие известности, как Киево-Могилянская академия (КМА). Мы можем также высказать осторожное предположение, что это, вероятно, связано с гонениями на православие в рамках католической контрреформации, усилившихся как раз в начале XVII в., и, конкретно, унионного строительства. Это формально подтверждается и тем фактом, что «литовское» книгопечатание в этот период постепенно перемещается на восток, ближе к русско-литовской границе. Хотя влияние запрета «литовских книг» в России тоже исключать из списка факторов нет оснований. В результате этих процессов Вильно как культурный центр православия окончательно утратил свое значение в начале 40-х гг. XVII в., а культурная гегемония в регионе перешла к Киеву. Последняя собственно «литовская» книга, в самом узком значении этого термина, на изучаемых нами территориях датируется 1641 г.

Третий (могилянский) период.

Он проходил под явным знаком явного культурного доминирования Киева. В основе этого, на наш взгляд, лежала реформа православия Киевского митрополита Петра Могилы. Но мы бы не стали связывать активизацию киевского центра книгопечатания только с официальным восстановлением под покровительством короля Владислава IV Ваза православной иерархии в Речи Посполитой [см.: 18, с. 255]. Скорее это связано, по нашему мнению, с организацией Киево-Могилянской академии по образцу иезуитских коллегиумов. Основным содержанием этого периода стало, таким образом, восприятие западноевропейской учености, насыщение «латинством», по выражению Шпета [см.: 40, с. 236]. Это позволило Киеву, в свою очередь, очень быстро стать ретранслятором культурного влияния на сопредельные территории. В связи с этим можно смело говорить о *«традиции, опосредованной*

Украиной» по аналогии с традицией, опосредованной Польшей: «Обходным путем, через Киев оно («латинство» — В. К.) стало, наконец, просачиваться в Москву, пока не схватилось в ожесточенной схватке с восточную ортодоксией в самом Кремле» [40, с. 236].

К тому же сменился и тренд влияния. Если до эпохи Петра Могилы оно носило в основном консервирующий и/или даже традиционалистский характер, то теперь оно стало ярко выражено барочно-инновационным.

Инновационный контент присутствовал в продукции «литовских» типографий можно сказать изначально, но только в «латинский» период он стал преобладать количественно и качественно. Внешне это выражалось в первую очередь в переориентации с издания канонической (литургической) и святоотеческой литературы на авторскую, причем выходящую в свет практически сразу после написания [см.: 42]. Назовем самые

известные имена: Лазарь Баранович, Иоанникий Галятовский, Симеон Полоцкий, Димитрий Ростовский. «Специалисты по творчеству Симеона (Полоцкого — В.К.) считают, что та книжная культура, которая была принесена им на Русь, существенным образом отличалась от книжности киевских ученых старцев «первого призыва»» [17, с. 107].

В связи с вышесказанным мы выступаем против проведения единой линии так называемой «киевской учености» через всё XVII столетие, как это делает, например, Наталья Яковенко: «Именно, с этого момента (с 1603 г. — В.К.) начинается триумфальное для священной столицы Руси «киевское столетие» — время высшего подъема киевской учености, которая косвенно (и даже вопреки умеренным жизненным позициям ее лидеров) привела к радикальным переменам в судьбе всего русьского общества» [41, с. 309], а также некоторые другие исследователи (Шамардина etc.),

так как очевидно, что их было минимум две. Все это несомненным образом отразилось, как мы уже отметили, и на характере печатной продукции, выходявшей в выделенные нами периоды. Предлагаем в этой связи разграничивать две разные «яркие вспышки «киевской учености» XVII в.» [41, с. 211]: «старо- и новокиевскую (могилянскую, киево-могилянскую)».

Причем Воссоединение Украины с Россией почти никак не повлияло на тренд книгоиздательской активности «Литвы». Во-первых, «... поляки, «отойдя, остались» связующим звеном казацкой державы с культурным пространством Речи Посполитой. Проявляясь в тех или иных формах, оно будет присутствовать в украинской культуре едва ли не до конца XVIII в., т.е. до окончательной переориентации духовной жизни Киева и Гетманщины на российские образцы» [41, с. 589]. Во-вторых, несмотря на то, что Киев в 1654 г. фактически вошел в

состав Русского государства, Киевская митрополия еще долгое время оставалась в подчинении Константинопольского патриархата. Н. Яковенко пишет: «И хотя определенные трения с московским патриархатом начались уже с конца 1680-х, в частности, из-за его попытки осуществить цензуру изданий Киево-Печерской монастырской типографии, однако в целом украинская верхушка не могла иметь нареканий на свое положение» [41, с. 571]. Таким образом, государственная граница исчезла, а цензурирование киевских изданий московским духовенством до 1686 г. — момента включения Киевской митрополии в Московский патриархат — было затруднено по разным причинам, а никакой светской цензуры, вопреки мнению Т.А. Опариной, тогда еще не существовало. Это, безусловно, создало, в том числе, и конкурентные преимущества для киевских изданий. Практически деятельность украинских типографий, в первую очередь Киево-Печерской и Черниговской,

как наиболее значимых, оказалась неподцензурной, а монополия МПД на книгоиздательскую деятельность в России была фактически, пусть и не надолго, разрушена.

Но окончательному утверждению киевской культурной гегемонии помешали военно-политические обстоятельства: война с Речью Посполитой и «Руина». Только «при царе Федоре Алексеевиче (1676-1683) и царевне Софье (1682-1689), а также взошедшем на престол в 1689 г. Петре I, наставником которых был киево-могилянский воспитанник проповедник и церковный писатель Симеон Полоцкий, в Москве входят в моду «латиняне», т.е. представители киевской учености. Преодолевая сопротивление ортодоксов, которые протестовали против «душетлительной отравы латинского зломудрия», в Россию в последней четверти XVII в. начинает поступать продукция украинского книгопечатания, украинское проповедничество, образцы школьного образования, а вскоре и высшие церковные кадры

(эта «украинизация» русской культуры будет продолжаться почти век)» [41, с. 571-572]. Правда, по нашим данным, активное проникновение печатной продукции Украины началось десятилетием раньше, с 1666 г. — года, предшествовавшего Андрусовскому перемирию, когда активные боевые действия уже в значительной степени затихли, не говоря уже о том, что бытование «литовских» книг имело место столетием раньше. Хотя не исключено, что физически издания действительно стали попадать в Россию только после окончания «Руины» в 1676 г.

Особо нужно отметить деятельность в этот период так называемой Верхней типографии Симеона Полоцкого, представлявшую, по сути дела, анклав «Литвы» внутри России, и выпускавшую на протяжении нескольких лет фактически неподцензурную Московской патриархии литературу причем по характеру и содержанию аналогичную «литовской»

(украинской) [см.: 33, с. 269, 303, 307, 314; 4, с. 131, 139, 153; 16, с. 365, 381, 407], что неудивительно, так как он был выпускником КМА.

После 1686 г. украинские типографии фактически начинают просто снабжать Россию изданиями по указаниям Москвы. Это было следствием начала осуществления цензуры печатных изданий киевской митрополии, отошедшей в 1686 г. под юрисдикцию московского патриархата. Хотя произошло это далеко не сразу — могилянский тренд развития «киевской учености» продолжался еще очень долго: «Во второй половине XVII в. Киев был включен в состав России, но Академия еще долгое время сохраняла интеллектуальный профиль и программу, заложенные Петром Могилой» [18, с. 255], а украинские типографии длительное время сохраняли свою специфику. [41, с. 589]. Тем не менее, тенденция очевидна; поэтому, именно, эту дату мы предлагаем предварительно считать концом третьего периода

книгоиздательской активности «Литвы», четвертый же предлагаем называть *постмогилянским*. Для более детальной характеристики

этих изменений на настоящий момент, к сожалению, не хватает конкретно-исторических данных.

Таблица 2.

Место бытования / Периоды	1569- 1596		1597- 1653		1654- 1690		1691- 1700	
	Ярославская край	3	1	0	59	2	46	8
Процентное соотношение:	52,2		7		10,2		20,3	
Пермский край		3	9	51	0	06		1
Процентное соотношение:	38,1		7		8,6		13,6	
Тверская земля			6	9	7	6	1	4
Процентное соотношение:	66,7		16,8		20,5		31,4	
ИТОГО:	7	7	5	89	9	18	7	24
Процентное соотношение:	50		7,9		11		20,3	
Коэффициент интенсивности	,32	,32	,49	7,4	,4	9,4	,7	2,4

Примечания к таблице: При составлении таблицы не учитывалось перемещение книг из одного региона в другой, что однозначно подтверждается многочисленными записями на полях, форзацах и т.п. Но поскольку по таким записям невозможно проследить все акты перемещение всех книг, то при подведении общих итогов это обстоятельство не может быть отражено в достаточной степени; Представленный при этом во всех использованных нами каталогах кириллических изданий анализ тенденций дисперсных заимствований, страдает тем общим недостатком, что он берет за

основу формальный временной показатель — столетие/полстолетия, что соответствует филолого-археографическому подходу, и, следовательно, не способен, по нашему мнению, обеспечить содержательных исторических выводов.

Анализ процессов бытования «литовских» книг.

Теперь нужно от содержательной характеристики перейти к количественной стороне вопроса. Обратимся к сравнительной таблице количества продукции МПД (правая колонка) и «литовских» типографий (левая колонка) в столбцах соответствующих периодов, обнаруженной на изучаемых нами территориях (см. *табл. 2*).

Что первое бросается в глаза, так это тенденция к увеличению удельного веса изданий, так или иначе связанных с Речью Посполитой в общем объеме печатной продукции, начиная со второго, выделенного нами, периода польского культурного влияния на Россию. Для характеристики процессов поступления «литовских» книг в Россию по периодам мы

предлагаем ввести коэффициент интенсивности поступления книг: кол-во книг/год. Анализ динамики изменения этого коэффициента позволяет сделать нам вывод о том, что интенсивность поступления «литовских» книг в изучаемые регионы росла, судя по нашим данным, опережающими темпами и по нарастающей по сравнению с изданиями МПД, интенсивность поступления которых тоже увеличивалась, но незначительно по сравнению с изначально взятой высокой планкой, начиная со второго периода.

При этом остается проблема интерпретации первого периода. Например, И.В. Поздеева пишет: «... в Тверском и Ярославском собраниях виленских изданий XVI в. несколько больше или почти столько же, сколько и московских. Этот факт наблюдается, как

правило, и в других регионах и еще раз доказывает, что виленские ранние издания были, несомненно, ориентированы на Москву и предназначались русскому читателю» [14, с. 10]. Такой вывод, по нашему мнению, можно сделать только в случае, если игнорировать внутривосточные процессы в Речи Посполитой, а также существенные улучшения в книгоиздательском деле в России как в качественном, так и в количественном отношении. В первый период традиция книгопечатания на Руси еще просто не устоялась, а общее количество изданий было невелико. Устойчивая традиция возникла в России только к концу XVI — началу XVII вв., а окончательно сформировалась, по нашему мнению, лишь в 20-е гг. XVII в. Именно, в этот период количественные показатели деятельности МПД значительно возросли, и, как следует из таблицы, коэффициент интенсивности поступления книг вырос более чем в 13 раз по сравнению с предыдущим

периодом. Против этого вывода И.В. Поздеевой, и в пользу нашего мнения, говорит и наличие церковно-просветительских православных книгоиздательских программ в «Литве» в конце XVI в., ориентированных отнюдь не на Россию, а в первую очередь на внутренний рынок, о которых мы уже упоминали. Приведение в пример Тверской области тоже не совсем удачно. Поэтому, первый (*доунийный*) период, на наш взгляд, можно не принимать во внимание при констатации тенденции к увеличению доли иностранной печатной продукции в общем количестве книг по региону. Это соображение, кстати, стало косвенной причиной того, что выделив три периода книгоиздательской активности в «Литве», мы не стали, что на первый взгляд кажется очень логичным, формировать иллюстрирующие таблицы в соответствии с ними, а решили придерживаться ранее выделенных нами периодов польского культурного влияния на Россию

[см.: 8]. Все это позволяет сделать предварительный вывод о том, что книжная активность «Литвы» не была напрямую связана с потребностями российской публики, и уж тем более, вопреки мнению И.В. Поздеевой, не была на нее рассчитана. Таким образом, факт устойчивого увеличения удельного веса «литовских» книг в общем количестве печатной продукции, циркулировавшей в изучаемом нами регионе, на всем протяжении XVII в. — и это при явном прогрессе московского книгопечатания в это время, констатируемого всеми исследователями, — дважды говорит в пользу нашего мнения. Этой тенденцией, конечно, можно было бы пренебречь, особенно с учетом степени сохранности книг, но поскольку она прослеживается как минимум в трех регионах параллельно, а если учесть мнение И. В. Поздеевой, то возможно и в некоторых других [14, с. 7]. Тверская область, правда, в этом плане не очень показательна, так как общее количество «литовских»

книг там было невелико. Но это возражение дезавуируется тем фактом, что невелико было в ней, кстати, и количество изданий МПД. Поэтому ее нужно признать устойчивой исторической закономерностью.

У продукции МПД к тому же была к тому же и особая судьба: она преимущественно распространялась официально и централизованно (но были и исключения; такое исключение видит И.В. Поздеева в ситуации в Пермском крае [14, с. 12-13]), в первую очередь это замечание касается «книжной справы», тогда как «литовские» книги в основном попадали в Россию случайно и находились по большей части в частном (или коллективном) владении, что отражает личные индивидуальные предпочтения и может служить материалом для ментальной истории. Эта черта, по мнению И.В. Поздеевой, особенно характерна для Пермского края и характеризуется ей как «особая «демократичность» пермской книжной культуры» [14, с. 13 и

след.].

Выводы.

Делая выводы, нужно предварительно сравнить организацию типографского дела в «Литве» и России. В Литве оно было представлено многочисленными исключительно частными свободными типографиями, что по типу напоминало Западную Европу [см.: 23, с. 38]. Государство в Литве, как и в Западной Европе, вообще не имело никакого отношения к типографскому делу, вопреки мнению автора статьи о «Друкарне дома Мамоничей». Выполнение государственных заказов еще далеко не означает «приобретение характера правительственного учреждения». («Таким образом, «Друкарня дома Мамоничей» приобретала характер правительственного заведения» [27]). Типографии в Западной Европе тоже выполняли периодически правительственные заказы, что не мешало им оставаться сугубо частными предприятиями, и никто не говорит

о превращении их в «правительственные учреждения». Здесь, видимо, наблюдается рецидив государствоцентричного менталитета, когда та или иная степень принадлежности к власти считается показателем успеха и процветания, то есть исключительно положительной характеристикой. В России же типография была одна — Московский печатный двор — и безраздельно господствовала монополия государства на изготовление печатной продукции: «... на Руси существовала лишь одна, притом официальная типография — Московский Печатный двор. Между тем нелепо видеть в этом отсталость; это всего лишь иная культурная система» [31, с. 172]. И в чем-то с этим, последним тезисом А.М. Панченко, можно безусловно согласиться.

В указанный период в номенклатуре изданий МПД абсолютно доминировала каноническая (литургическая) и святоотеческая литература, и ее

состав не претерпел практически никаких существенных изменений на всем протяжении XVII в., продолжая обслуживать исключительно текущие богослужебные нужды (в первую очередь, разумеется, «книжную справу»): «... это в подавляющем большинстве книги, входящие в церковный круг, без которых нельзя служить в церкви» [31, с. 170].

Сравнение с номенклатурой изданий «литовских» типографий выявляет разительный контраст этой московской с самой разнообразной «литовской» печатной продукцией, уже перечисленной в приведенной нами в начале статьи цитате из «Очерка истории Украины» Н. Яковенко, подтверждая тезис об «иной культурной системе». (Неостребованность определенной части «литовской» книжной продукции в российской глубинке — это еще один аргумент в нашем споре с И. В. Поздеевой.) И. В. Поздеева говорит о «высоком уровне книжной культуры» в российских регионах и при этом

дает весьма дифференцированную систему классификации религиозной литературы [4, с. 11]. Но мало того, что религиозная литература в них представлена меньшим количеством типов книг, чем среди «литовских» (среди типов книг, издававшихся в России, отсутствуют «сборники проповедей», «теологические трактаты», «духовная поэзия» [41, с. 601]), но и, что особенно важно, практически полностью отсутствует светская компонента. Следовательно, суть «иной культурной системы» Панченко заключается в том, что все это «богатство» укладывается в религиозный тип культуры и исключает напроць ее светский сегмент, который становился доминирующим в этот период в Западной Европе. С чем это было связано? Здесь можно предложить несколько объяснительных моделей. Например, вспомнить то же «ревностный выбор» М.С. Киселевой [17, с. 8-9], но происходящий преимущественно не на уровне «верхов», а на уровне

«низов», что соответствует тезисам Н.С. Трубецкого об «очищении от эгоцентризма» [36, с. 81] и Сергея Обогуева о «ценностном фильтре» [37]. Все это, в общем и целом, укладывается в представления о защитной реакции традиционных обществ на внешнее воздействие: «Сначала общая реакция повсеместно носила апологетический и оборонительный характер. Самым категорическим образом провозглашалось превосходство местной традиции — ислама, индуизма или конфуцианства (и православия, добавим мы от себя — В.К.) — над христианством и всей западной культурой» [2, с. 275], — в интерпретации Р.Н. Бэллы или «научного охранения» православия Г. Г. Шпета [40, с. 229].

Но все же от анализа дисперсного влияния отказываться, на наш взгляд, не стоит, хотя пока ясно только одно, что оно характерно только в плане того, что носило практически исключительно религиозный характер и пренебрегало всем

книжным богатством, которое могла получать от Речи Посполитой. И нужно заметить, что это происходило в истории России не впервые, та же участь постигла в свое время и светскую византийскую культуру: «Тем самым высокая светская культура Византии оказалась невостребованной со всеми вытекающими отсюда последствиями для Slavia Orthodoxa» [24, с. 90]. Теперь оказалась невостребованной «высокая светская культура» Речи Посполитой. Это можно охарактеризовать как своеобразный паттерн русского интеллектуального развития, хотя были и некоторые отличия. Можно отметить, например, что эта «незаинтересованность» в светской культуре касалась в конце XVII в. в основном только «низов» общества, а также глубинки, провинции; определенная часть «верхов», в первую очередь столичных, были куда активнее. Хотя мы бы не стали переоценивать, в отличие от Э. Малэк, степень их вовлеченности в

орбиту польской культуры [26].

И здесь мы не согласны с мнением Н. Яковенко, которая старается представить причину поступления «украинских» книг на Русь в общих процессах, происходящих в самой России [41, с. 571-572], тогда как анализируемый нами фактический материал однозначно говорит о преобладании дисперсного (случайного) влияния, по крайней мере, в российской провинции, что с процессами в московских «верхах» никак не было связано. Это, кстати, очень характерно для «столицецентричных» государств. Причем, на имеющемся фактическом материале вообще не улавливается никакая сколько-нибудь значимая корреляция между выделенными нами периодами книгоиздательской активности в «Литве» и поступлением «литовских» книг в Россию. Похоже, это, вообще, скорее всего был неперIODический процесс.

К тому же, именно, наличие дисперсного влияния, по нашему мнению, точнее его интенсивность

и глубина, свидетельствуют о готовности общества к культурным заимствованиям, тогда как централизованные заимствования, по уже упомянутому нами в начале доклада принципу «выбор делает власть», обычно в той или иной степени связаны с насилием и приводят к тем самым негативным последствиям, о которых часто упоминается в научной литературе. [см.: 19, с. 125; 11, с. 25; 38]. Анализ характера дисперсных заимствований книгоиздательской продукции из «Литвы» говорит о том, что Россия *en masse* не была готова ни к каким заимствованиям.

В итоге можно констатировать, что и в печатной продукции Речи Посполитой и, в частности, Украины, тем или иным способом попавших на территорию России, преобладают все же не оригинальные издания, а, именно, богослужебные. Следовательно, дисперсное влияние не противоречило основному направлению развития России, если не сказать больше дополняло его. Особенно, судя по записям на

форзацах и полях книг, это касается старообрядческой среды, где очень ценились дониконовские издания на церковно-славянском языке. Характерно также и практически полное, уже отмеченное нами, отсутствие изданий светского характера, а те, что все же присутствуют, не могут быть отнесены к какому-либо строго определенному типу дискурса. Причем, их скорее количественно становится меньше, чем больше [33, с. 116; 15, с. 49; 16, с. 40, 293; 4, с. 27, 33, 99, 106, 140, 200, 208]. Можно, следовательно, вести речь не только о параллельных процессах в развитии западноевропейской и русской цивилизаций, но и дивергенции этих сообществ.

Таким образом, можно сделать вывод, что существовавшие в российской глубинке потребности в книжной продукции, находились в том же тренде, что и общее развитие страны. А нарастание общей доли иностранной книжной продукции можно искать в чисто технической области, то есть,

например, в недостаточном количестве изданий МПД и малых тиражах. Это предстоит еще установить.

Кроме собственно характера изданий, нужно отметить еще несколько особенностей «литовской» печатной продукции по сравнению с московской в прямом значении этого слова, так как нигде, кроме Москвы, книги в России не выпускались: а) «Книги выходят не только на церковнославянском, но и на польском, латыни и на «простом», т.е. приближенном к разговорному украинскому языку» [41, с. 601-602]. (Именно этот язык, ««простой», т.е. «приближенный к разговорному украинскому языку», и является «простой мовой», а не церковно-славянский как у Опариной [30, с. 64]). Ни одного примера выхода книг на иностранных языках и, уж тем более на «простом русском», на МПД нам обнаружить не удалось; б) «Наиболее яркой чертой светской продукции тогдашней словесности является ее насыщение

античными мотивами, которые проникли в русское школьное образование еще в конце XVI – начале XVII вв., а теперь расцвели особенно буйным цветом» [41, с. 602]. Этот момент в продукции МПД тоже отсутствовал, если не сказать более — старательно, по возможности, вымарывался. «Для объяснения правил риторики Софроний Лихуд использует многочисленные примеры из церковной литературы, иллюстрации из античных авторов он приводит меньше» [3, с. 63]. И это уже при Петре I!

Конечно, дисперсным влиянием в нашей истории можно пренебречь, так как, во-первых, точно установить, когда конкретно проникали «литовские» книги на территорию России не всегда представляется возможным: сохранившиеся сведения об этом крайне отрывочны. Во-вторых, наличие такого источника, как «православная книжность Киевской

митрополии» [30, с. 64], действительно можно констатировать, но вот когда он действовал и на что, именно, она повлияла, то есть какой след оставила в истории России, сказать очень затруднительно, вследствие отсутствия как источников, так и специальных работ, исследовавших это влияние. Это касается в первую очередь характера идейного строя поступавших на Русь изданий, особенно в свете разграничения нами *домогилянских* и *могилянского* периодов книгоиздательской активности. Предварительно можно сказать, что это влияние имело рассеянный во времени и в пространстве характер (*децентрализованный тип заимствований*) и не фиксируемые культурные (идеологические) последствия, то есть для исторического анализа оно фактически пока не существует. И ждет своего благодарного исследователя.

Список литературы

1. Алексеев С.Л. Православная конфессионализация в Великом

княжестве Литовском во второй половине XVI в.: К постановке проблемы // Балтийский вопрос в конце XV-XVI в.: Сб. науч. статей / Отв. ред А.И. Филюшкин. М.: Квадрига, 2010. С. 445-453.

2. Бэлла Р.Н. Социология религии //Американская социология. Перспективы, проблемы, методы /Сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. Ред. и вступит. статья д-ра филос. наук Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1972. С. 265-281.

3. Вомперский В.П. Риторика в России XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1988. 180 с.

4. Гадалова Г.С., Перелевская Е.В., Цветкова Т.В. Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI век — 1725 год): Каталог. Тверь: Лилия Принт, 2002. 304 с.

5. Гоголь Н.В. Повести. М.: Художественная литература, 1979. 368 с.

6. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и традиции русского православия //Человек между Царством и Империей. Материалы международной конференции «Человек между Царством и Империей: культурно - исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». М.: Институт человека РАН, 2003. С. 277-286.

7. Гурьянова Н.С. «Книга о вере» в системе авторитетов старообрядчества // <https://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1489>.

8. Гутовский А.Ю., Коновалов В.В. Флуктуации мира-культуры (на примере польско-русского культурного диалога последней трети XVI — первой трети XVIII вв.) //Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол. М.А. Можейко (гл. ред.), С.В. Донских, С.Л. Вилейко. Гродно: ГрГУ, 2014. С. 145-150.

9. Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595-1596 гг. М.: Изд-во МГУ, 2003. - 320 с.

10. Ерусалимский К.Ю. Польско-литовские москвиты второй половины XVI–начала XVII в.: социальный состав, культурные ориентиры,

пути интеграции //Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 7-54.

11. Живов В.М. Время и его собственник в России: на пути от Царства к Империи (с.18-26) // Человек между Царством и Империей. Материалы международной конференции «Человек между Царством и Империей: культурно исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». М.: Институт человека РАН, 2003. С. 18-26.

12. Запольская Н. Н. «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М.: «Индрик», 2003. - 240 с.

13. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. II. Репринтное воспроизведение YMCA-PRESS. Париж. 1959. М.: Наука, 1991. 576 с.

14. Кириллические издания XVI-XVII вв. в хранилищах Пермской области: Каталог /Ред. колл.: д.и.н. И.В. Поздеева (пред.), С.А. Динмухаметова, О.Л. Кутьев, С.В. Пигалева (сек.). Пермь, 2003. 488 с.

15. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493 - 1652): Каталог /Под ред. И.В. Поздеевой. Ярославль — Ростов, 2004. 632 с.

16. Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652 - 1700 годы): Каталог /Под ред. И.В. Поздеевой. Ярославль; Ростов; Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский дом печати», 2009. 832 с.

17. Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII—начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.

18. Клочовский Е. Страны Центрально-Восточной Европы в XIV–XVII вв. //История Центрально-Восточной Европы / Пер. с фр.: М.Ю. Некрасов (гл. III, IV), А.Ю. Карачинский (гл. V), И.А. Эгипти (вступление, гл. I-II, VI-XIX). СПб.: Евразия, 2009. 1120 с..

19. Кондаков И. В. «Русский человек» в переходную эпоху: самосознание смуты (с. 105-126) // Человек между Царством и Империей. Материалы международной конференции «Человек между Царством и

Империей: культурно исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». М.: Институт человека РАН, 2003. С. 105-126.

20. Коновалов В. В. Трагедия разорванной постепенности или опыт альтернативной истории России конца XV — начала XVIII вв. Доклад на международной конференции «Polski świat rosyjskiego człowieka». Ярославль 22 октября 2016 г. (в печати).

21. Короткий В. Г. Смутное время в России // *Gazeta Peterburska*, № 7-8, 2012.

22. Лахманн Р. Два этапа риторики «приличия» (*decorum*) — риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича (с. 149-169) // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в. /Отв. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1989. С. 149-169.

23. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610 /Пер. с фр. Е.Н. Коендясова и В.А. Павлова. М.: Международные отношения, 2004. 416 с.

24. Липатов А. В. Государственная система и национальная ментальность: русско-польские альтернативы //Человек между Царством и Империей. Материалы международной конференции. М.: Институт человека РАН, 2003. С. 90-96.

25. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история [Предисл. В. В. Иванова]; Тартус. ун-т. М.: Языки рус. культуры, 1999. 447 с.

26. Малэк Э. Единство в смехе. О некоторых аспектах польско-русских литературных связей XVII – начала XIX вв. //Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М.: УРСС, 1998. С. 84-102.

27. Мамоничи // <http://maxbooks.ru/mamonichi.htm>.

28. Нарбутене Д. Обмен культурными ценностями в Европе в XV–XVIII вв.: книговедческий аспект //Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М.: Индрик, 2009.

29. Норман Д. Сердце Европы. М.: Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака, 2010. 527 с.

30. Опарина Т.А. Рукопись из собрания Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника в контексте богословских споров в России XVII века //Книжная культура Ярославского края: материалы научной конференции. Ярославль: ИПК «Конверсия» - Высшая школа бизнеса, 2011. С. 63-72.

31. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ /Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1984. 206 с.

32. Плохий С. «Национализация» украинского казачества в XVII–XVIII веках //Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 265-296.

33. Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М. Кириллические издания XVI век - 1641 г. Находки археографических экспедиций 1971-1993 гг., поступившие в Научную библиотеку Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 2000. 416 с.

34. Сапронов П.А. Русская культура IX-XX вв. Опыт осмысления. СПб.: Паритет, 2005. 704 с.

35. Тананаева Л.И. Сарматский портрет (из истории польского портрета эпохи барокко) /Отв. ред. д.и.н. В.Н. Прокофьев. М.: Наука, 1979. 304 с.

36. Трубецкой Н.С. Европа и человечество //Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык /Сост. В.М. Живова; Вступ. ст. Н.И. Толстого и Л.Н. Гумилева. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 55-104.

37. Трубецкой Н.С. Европа и человечество //http://www.gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm.

38. Хоружий С.С. Рождение русского философского гуманизма: спор славянофилов и западников // http://www.kievrfo.org.ua/index.php/2011-12-21-23-44-19/2012-01-11-14-29-11/433-2013-07-05-18-50-46.

39. Шамардина Н. В. Федор Сенькович – художник переходной эпохи. Монография. Калининград: ФГОУ ВПО «КГТУ», 2008. 280 с.

40. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии / Сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 217-578.

41. Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. Авторизованный перевод с украинского Владимира Рыжковского; Научн. ред. перевода Алексей Толочко. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 768 с.

42. Янковска Л.А. Литературно-богословское наследие святителя Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1994. 48 с.

Reference

1. Alekseev S.L. Pravoslavnaja konfessionalizacija v Velikom knjazhestve Litovskom vo vtoroj polovine XVI v.: K postanovke problemy // Baltijskij vopros v konce XV-XVI v.: Sb. nauch. statej / Otv. red A.I. Filjushkin. M.: Kvadriga, 2010. S. 445-453.

2. Bjella R.N. Sociologija religii // Amerikanskaja sociologija. Perspektivy, problemy, metody / Sokr. per. s angl. V.V. Voronina i E.V. Zin'kovskogo. Red. i vstupid. stat'ja d-ra filos. nauk G.V. Osipova. M.: Progress, 1972. S. 265-281.

3. Vomperskij V.P. Ritoriki v Rossii XVII-XVIII vv. M.: Nauka, 1988. 180 s.

4. Gadalova G.S., Perelevskaja E.V., Cvetkova T.V. Kirillicheskie izdanija v hranilishhah Tverskoj zemli (XVI vek — 1725 god): Katalog. Tver': Lilija Print, 2002. 304 s.

5. Gogol' N.V. Povesti. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1979. 368 s.

6. Gur'janova N.S. Staroobrjadcy i tradicii russkogo pravoslavija // Chelovek mezhdru Carstvom i Imperiej. Materialy mezhdunarodnoj konferencii

«Chelovek mezhdru Carstvom i Imperiej: kul'turno - istoricheskie realii, idejnye stolknovenija, rozhdenie perspektiv». M.: Institut cheloveka RAN, 2003. S. 277-286.

7. Gur'janova N.S. «Kniga o vere» v sisteme avtoritetov staroobrjadchestva // <https://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1489>.

8. Gutovskij A.Ju., Konovalov V.V. Fluktuacii mira-kul'tury (na primere pol'sko-russkogo kul'turnogo dialoga poslednej treti XVI — pervoj treti XVIII vv.) //Jetnosocial'nye i konfessional'nye processy v sovremennom obshestve: sb. nauch. st. / GrGU im. Ja. Kupaly; redkol. M.A. Mozhejko (gl. red.), S.V. Donskih, S.L. Vilejko. Grodno: GrGU, 2014. S. 145-150.

9. Dmitriev M.V. Mezhdru Rimom i Car'gradom: genezis Brestskoj cerkovnoj unii 1595-1596 gg. M.: Izd-vo MGU, 2003. - 320 s.

10. Erusalimskij K.Ju. Pol'sko-litovskie moskovity vtoroj poloviny XVI—nachala XVII v.: social'nyj sostav, kul'turnye orientiry, puti integracii //Jetnokul'turnaja identichnost' narodov Ukrainy, Belorussii i Pol'shi: Mehanizmy formirovanija i sposoby projavlenija. M.: Institut slavjanovedenija RAN, 2011. S. 7-54.

11. Zhivov V.M. Vremja i ego sobstvennik v Rossii: na puti ot Carstva k Imperii (s.18-26) // Chelovek mezhdru Carstvom i Imperiej. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Chelovek mezhdru Carstvom i Imperiej: kul'turno istoricheskie realii, idejnye stolknovenija, rozhdenie perspektiv». M.: Institut cheloveka RAN, 2003. S. 18-26.

12. Zapol'skaja N. N. «Obshhij» slavjanskij literaturnyj jazyk: tipologija lingvisticheskoj refleksii. M.: «Indrik», 2003. - 240 s.

13. Kartashev A.V. Ocherki po istorii russkoj cerkvi. T. II. Reprintnoe vosproizvedenie YMCA-PRESS. Parizh. 1959. M.: Nauka, 1991. 576 s.

14. Kirillicheskie izdanija XVI-XVII vv. v hranilishhah Permskoj oblasti: Katalog /Red. koll.: d.i.n. I.V. Pozdeeva (pred.), S.A. Dinmuhametova, O.L. Kut'ev, S.V. Pigaleva (sek.). Perm', 2003. 488 s.

15. Kirillicheskie izdanija Rostovo-Jaroslavskoj zemli (1493 - 1652):

Katalog /Pod red. I.V. Pozdeevoj. Jaroslavl' — Rostov, 2004. 632 s.

16. Kirillicheskie izdanija v hranilishhah Rostovo-Jaroslavskoj zemli (1652 - 1700 gody): Katalog /Pod red. I.V. Pozdeevoj. Jaroslavl'; Rostov; Rybinsk: Izd-vo OAO «Rybinskij dom pečati», 2009. 832 s.

17. Kiseleva M. S. Intellektual'nyj vybor Rossii vtoroj poloviny XVII–nachala XVIII veka: ot drevnerusskoj knizhnosti k evropejskoj učenosti. M.: Progress-Tradicija, 2011. 472 s.

18. Klochovskij E. Strany Central'no-Vostočnoj Evropy v XIV–XVII vv. //Istorija Central'no-Vostočnoj Evropy / Per. s fr.: M.Ju. Nekrasov (gl. III, IV), A.Ju. Karachinskij (gl. V), I.A. Jegipti (vstuplenie, gl. I-II, VI-XIX). SPb.: Evrazija, 2009. 1120 s..

19. Kondakov I. V. «Russkij chelovek» v perehodnuju jepohu: samosoznanie smuty (s. 105-126) // Chelovek mezhdu Carstvom i Imperiej. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Chelovek mezhdu Carstvom i Imperiej: kul'turno istoricheskie realii, idejnye stolknovenija, rozhdenie perspektiv». M.: Institut cheloveka RAN, 2003. S. 105-126.

20. Konovalov V. V. Tragedija razorvannoj postepenosti ili opyt al'ternativnoj istorii Rossii konca XV — nachala XVIII vv. Doklad na mezhdunarodnoj konferencii «Polski świat rosyjskiego człowieka». Jaroslavl' 22 oktjabrja 2016 g. (v pečati).

21. Korotkij V. G. Smutnoe vremja v Rossii // Gazeta Peterburska, № 7-8, 2012.

22. Lahmann R. Dva jetapa ritoriki «prilichija» (decorum) — ritorika Makarija i «Iskusstvo ritoriki» Feofana Prokopovicha (s. 149-169) //Razvitie barokko i zarozhdenie klassicizma v Rossii XVII — nachala XVIII v. /Otv. red. A.N. Robinson. M.: Nauka, 1989. S. 149-169.

23. Le Rua Ladjuri Je. Istorija Francii. Korolevskaja Francija. Ot Ljudovika XI do Genriha IV. 1460-1610 /Per. s fr. E.N. Koendjasova i V.A. Pavlova. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004. 416 s.

24. Lipatov A. V. Gosudarstvennaja sistema i nacional'naja mental'nost':

russko-pol'skie al'ternativy //Chelovek mezhdru Carstvom i Imperiej. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. M.: Institut cheloveka RAN, 2003. S. 90-96.

25. Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhijh mirov: Chelovek — tekst — semiosfera — istorija [Predisl. V. V. Ivanova]; Tartus. un-t. M.: Jazyki rus. kul'tury, 1999. 447 s.

26. Maljek Je. Edinstvo v smehe. O nekotoryh aspektah pol'sko-russkijh literaturnyh svjazej XVII – nachala XIX vv. //Kul'turnye svjazi Rossii i Pol'shi XI–XX vv. M.: URSS, 1998. S. 84-102.

27. Mamonichi // <http://maxbooks.ru/mamonichi.htm>.

28. Narbutene D. Obmen kul'turnymi cennostjami v Evrope v XV–XVIII vv.: knigovedcheskij aspekt //Rossija, Pol'sha, Germanija: istorija i sovremennost' evropejskogo edinstva v ideologii, politike i kul'ture. M.: Indrik, 2009.

29. Norman D. Serdce Evropy. M.: Vroclav: Letnij sad; Kollegium Vostochnoj Evropy im. Jana Novaka, 2010. 527 s.

30. Oparina T.A. Rukopis' iz sobranija Jaroslavskogo istoriko-arhitekturnogo muzeja-zapovednika v kontekste bogoslovskih sporov v Rossii XVII veka //Knizhnaja kul'tura Jaroslavskogo kraja: materialy nauchnoj konferencii. Jaroslavl': IPK «Konversija» - Vysshaja shkola biznesa, 2011. S. 63-72.

31. Panchenko A.M. Russkaja kul'tura v kanun petrovskih reform /Otv. red. D.S. Lihachev. L.: Nauka, 1984. 206 s.

32. Plohij S. «Nacionalizacija» ukrajinskogo kazachestva v XVII–XVIII vekah //Imperija i nacija v zerkale istoricheskoi pamjati: Sbornik statej. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. S. 265-296.

33. Pozdeeva I.V., Erofeeva V.I., Shitova G.M. Kirillicheskie izdanija XVI vek - 1641 g. Nahodki arheograficheskijh jekspedicii 1971-1993 gg., postupivshie v Nauchnuju biblioteku Moskovskogo universiteta. M.: Izd-vo MGU, 2000. 416 s.

34. Sapronov P.A. Russkaja kul'tura IX-XX vv. Opyt osmyslenija. SPb.: Paritet, 2005. 704 s.

35. Tananaeva L.I. Sarmatskij portret (iz istorii pol'skogo portreta jepohi barokko) /Otv. red. d.i.n. V.N. Prokofev. M.: Nauka, 1979. 304 s.

36. Trubeckoj N.C. Evropa i chelovechestvo //Trubeckoj N.S. Istorija. Kul'tura. Jazyk /Sost. V.M. Zhivova; Vstup. st. N.I. Tolstogo i L.N. Gumileva. M.: Izdatel'skaja grupa «Progress», 1995. S. 55-104.

37. Trubeckoj N.C. Evropa i chelovechestvo //http://www.gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm.

38. Horuzhij S.S. Rozhdenie russkogo filosofskogo gumanizma: spor slavjanofilov i zapadnikov // http://www.kievrfo.org.ua/index.php/2011-12-21-23-44-19/2012-01-11-14-29-11/433-2013-07-05-18-50-46.

39. Shamardina N. V. Fedor Sen'kovich – hudozhnik perehodnoj jepohi. Monografija. Kaliningrad: FGOU VPO «KGTU», 2008. 280 s.

40. Shpet G. G. Oчерk razvitija russkoj filosofii //Vvedenskij A.I., Losev A.F., Radlov Je.L., Shpet G.G.: Oчерki istorii russkoj filosofii / Sost., vstup. st., primech. B.V. Emel'janova, K.N. Ljubutina. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. S. 217-578.

41. Jakovenko N. Oчерk istorii Ukrainy v Srednie veka i rannee Novoe vremja. Avtorizovannyj perevod s ukrainskogo Vladimira Ryzhkovskogo; Nauchn. red. perevoda Aleksej Tolochko. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 768 s.

42. Jankovska L.A. Literaturno-bogoslovskoe nasledie svjatelja Dimitrija Rostovskogo: vosprijatie iezuitskoj nauki XVI–XVII vv. /Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. M., 1994. 48 s.